
ТИХОН ТРОЯНОВ:
«МНЕ БЫЛО ИНТЕРЕСНО РЯДОМ С НИМИ»

Беседа с М.А. Васильевой и Е.Ю. Дорман 12 ноября 2012 г.

О своей работе на «Радио Свобода», об отце Александре Шмемане, Владимире Варшавском и других известных сотрудниках радиостанции вспоминает потомок эмигрантов первой волны, известный адвокат, доктор юридических наук, бывший сотрудник «Радио Свобода» Тихон Игоревич Троянов (Женева).

Тихон Игоревич родился в 1932 г. в Белграде, куда эмигрировали его родители. В конце войны семья, оказавшаяся на тот момент в Австрии, чтобы избежать встречи с органами госбезопасности страны-победительницы, самостоятельно перейдя Альпы, переехала в Швейцарию. Здесь Тихон Троянов окончил среднюю школу, затем юридический факультет Лозаннского университета и начал внештатно сотрудничать как письменный переводчик с международными организациями — ООН, ЮНЕСКО, МАГАТЭ. Позже защитил в Лозанне докторскую диссертацию и открыл в Женеве юридическую фирму. В 1992-м открыл филиал своей фирмы в Москве. Как юрист участвовал в организации Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына.

М.А. Васильева

— *Тихон Игоревич, Вы работали на «Радио Свобода» с весны 1957 года до конца 1962-го. Очень интересное время с точки зрения политики, истории, становления радиостанции. Расскажите о Ваших впечатлениях тех лет.*

— Первые три с половиной года я работал в Мюнхене редактором новостей, а потом в Нью-Йорке корреспондентом при ООН. В частности, я был в Совете безопасности во время Карибского кризиса. И мне было крайне все интересно. Я был совсем молодым. В 24 года меня сразу взяли редактором новостей. Конечно, было трудно, приходилось составлять бюллетени по несколько раз в день, и утром, и вечером, иногда по воскресеньям. Но, видимо, я справлялся. «Радио Свобода» вплотную меня столкнуло с жизнью в России. На радиостанции были хорошие специалисты, был очень хороший исследовательский отдел, который поставлял каждый день информацию, иногда очень интересную. Помню, как мы впервые прочли «Доктора Живаго». Он вышел тогда в эмигрантском польском журнале «Культура». На страницах именно этого журнала были впервые опубликованы польские переводы романа. И естественно, дирекция радиостанции хотела, что-

бы мы узнали о романе как можно больше и знали сам роман, поскольку Борис Пастернак, «Доктор Живаго», Нобелевская премия были в самом центре событий. «Свобода» отреагировала мгновенно. Редакцией тут же был организован русский перевод для своих сотрудников. У меня вообще положение было интересное, первую часть «Доктора Живаго» я прочитал в обратном переводе с польского, вторую — по-французски, а третью часть я прочел уже в оригинале, на русском. Тем было интереснее. Я мог сравнивать переводы, — насколько они удачны, насколько переданы слово и стиль Пастернака. В общем, привожу пример того, как велась работа. Очень оперативно. Я помню, как впервые прочел «Поэму без героя» Ахматовой. Она тоже появилась у нас довольно быстро в наших ежедневных бюллетенях. На радиостанции была отличная библиотека, были редакции других советских республик, и мы сотрудничали с ними. Во многом благодаря работе на радиостанции я смог написать диссертацию на довольно сложную тему: «К вопросу о правовой природе коллективного договора в Советском Союзе». Потом я ее закончил в Колумбийском университете, где тоже была прекрасная библиотека. В частности, там были микрофильмы «Правды» и «Известий» с первых номеров. Конечно, это было ценно, так я мог найти первые законодательные акты советского правительства, в частности в области трудового законодательства. В общем, я с удовольствием вспоминаю это время.

Надо сказать, что редакция и руководство радиостанции требовали объективности. Это не была черная антисоветская пропаганда. В новостях добивались равновесия. Они считали, и, видимо, правильно считали, что будет гораздо убедительнее, если позиция радиостанции будет взвешенной и максимально объективной. Старались не заполнять эфир отрицательными, и только отрицательными, новостями.

Конечно, на «Радио Свобода» было непросто и даже опасно работать. Случались и похищения, и разные провокации. Но мы знали, на что шли. Случались и курьезы. Был такой забавный инцидент: как-то, просматривая бюллетень, я обнаружил новость, которая мне показалась довольно странной: какую-то даму наградили Орденом флорентийского соловья. Я попросил английский вариант текста. Речь шла о Флоренс Найнтингейл, знаменитой сестре милосердия в Великобритании, орденом ее имени награждали выдающихся сестер милосердия. Ошибку исправили. Но это такие мелкие анекдоты, которые отмечали нашу жизнь.

— *Кто в это время из известных людей работал вместе с Вами на радиостанции? Расскажите о нью-йоркском бюро «Радио Свобода».*

— Радиостанция приглашала к себе корифеев. В Мюнхене я видел Георгия Адамовича. Часто бывал Владимир Вейдле, он вел на «Радио Свобода» рубрику, иногда меня приглашали на обед вместе с ним, я был мальчишкой, и мне, конечно, было интересно. Вейдле был приятный человек, «обтекаемый». Я знал Гайто Газданова. Маленького роста, некрасивый, едкий. У него был непростой характер, нередко возникали трения с сотрудниками. Может, все это сыграло свою роль —

его не очень ценили на радиостанции, так мне казалось. А современный читатель, свободный от этого непосредственного общения, заметил другое, — его прозу. Безусловным авторитетом на радиостанции пользовался Роман Гуль.

В Мюнхене нашим редактором был Виктор Ризер, наполовину поляк, наполовину русский, возглавлял отдел новостей американец Фрэнсис Рональдс. С нами работал Валерий Александрович Оболенский, ставший потом главой отдела в Нью-Йорке. Нью-йоркская редакция была меньше, чем в Мюнхене. И работа там была спокойнее, в Мюнхене я был редактором новостей, а это непросто. Надо всегда спешить за новостями, в последнюю минуту что-то дополнять, подгонять под хронометраж, потому что не хватает каких-нибудь тридцати секунд, и из студии кричат, что надо найти новость немедленно, — здесь и теперь. В США работалось легче. И вот в Нью-Йорке как раз находились очень интересные люди. Именно там я познакомился с Романом Гулем, Михаилом Коряковым, Юрием Денике, Владимиром Варшавским. С Варшавским мы очень дружили.

*Тихон Троянов.
Москва, Дом русского зарубежья
имени Александра Солженицына.
11 ноября 2012*

— Как Вы познакомились с отцом Александром Шмеманом? Каким он был в общении? Как вел свои передачи?

— Со Шмеманом я сблизился в Нью-Йорке. Он вообще человек был очень общительный, веселый, светлый, и он всегда приходил как-то весело, всегда было впечатление, что он вносит веселье в эту редакцию, где не всегда было весело и не все были веселые, прямо скажем. Там встречались и довольно мрачные типы. Некоторые люди были довольно пессимистически настроены в силу своей непростой жизни, своей биографии. То и дело возникали споры в абсолютно классическом русском духе, — русские часто считают, что они во всем правы, а все остальные в лучшем случае не понимают, о чем они говорят. А Шмеман, нет, он всегда приходил с положительным зарядом, энергичный, жизнерадостный. Он начитывал свой скрипт, на что уходило не так уж много времени, потому что у него был большой опыт. И после этого мы с ним нередко обедали, часто с Варшавским, с которым он был особенно дружен. Отец Александр очень ценил Варшавского.

И мне, конечно, было интересно рядом с ними, присутствовать при их общении, это были серьезные и в то же время такие непринужденные разговоры... Не спор и уж тем более не острая полемика.

— *О чем Вы говорили?*

— О чем угодно. Это был очень живой разговор. Потому что Шмеман и Варшавский были близки по своим позициям. Они оба очень увлекались французским философом Тейяром де Шарденом, и вокруг него было много разговоров. Но они оба были его сторонниками, поэтому не спорили, а скорее ругали тех, кто не разделял их воззрений. В этом споре я занимал, прямо скажем, независимую позицию, потому что Тейяра де Шардена не читал.

Конечно, в силу обстоятельств они говорили и о России, и о богословии, поскольку это была для Шмемана основная тема. Он очень хорошо знал три культуры — русскую, французскую и американскую, причем ценил эти три культуры, в частности американскую, хотя русские в Америке смотрели нередко на нее свысока, видимо считая, что такой культуры вообще нет и с ней не стоит возиться. А он, наоборот, считал ее бесконечно интересной. Отец Александр очень много читал на разных языках и следил за современной русской литературой, хорошо знал классическую русскую литературу и французскую. И когда он приезжал начитывать скрипты, то обычно, я знаю, заезжал в Рокфеллер-центр, где тогда был книжный магазин и где можно было купить французские газеты и журналы, — он всегда покупал там французскую прессу, за которой очень следил. Так что с ним увлекательно было говорить не только на богословские темы, но и на современные культурные темы, на политические.

С отцом Александром было интересно, потому что он в силу обстоятельств жил универсальной жизнью. Как вы знаете, он преподавал не только во Владимирской духовной семинарии, но и в некоторых высших учебных заведениях Америки. И так случилось, что он жил вне эмигрантского гетто. Эмиграция, несмотря на все свои достойные качества, которые я никак не отрицаю, в какой-то степени жила замкнуто — будь то во Франции, или в Америке, или в другой стране — в своей мифологии, в своей проблематике, в своих спорах и дразгах. И все это ограничивало кругозор людей. А он жил как-то абсолютно вне эмигрантской мифологии, вне этого «фольклора». Мало того, он даже с ними не боролся, видимо, считая, что и спорить не стоит, потому что на споры уходило очень много сил у эмиграции. А Шмеман редко занимался полемикой, был как бы над ней, она его не интересовала. У него бывали, конечно, полемики. В частности, с Солженицыным. Но это была дискуссия на высоком уровне.

Отец Александр много занимался, как вы знаете, в силу обстоятельств церковными делами. Когда готовилось предоставление автокефалии русско-американской церкви, он сыграл в этом историческом событии большую роль. Потом постепенно церковь переходила на английский язык, на новый стиль, что тоже было непросто. Все это болезненные вопросы для эмиграции. Я лично хорошо знаю эту проблематику, потому что в Швейцарии занимаюсь франкоязычным

православным приходом в женевском предместье Шамбези, который мы сами создали лет 40 тому назад под юрисдикцией Константинополя. И я знаю, насколько бывают в православной среде болезненные реакции на эти перемены. Здесь нужно работать конкретно и практически, не вдаваясь в бессмысленные споры. Впрочем, этот вопрос стоит очень актуально, с моей точки зрения, и в России, хотя о нем здесь боятся говорить. Но я заметил, что люди в России в массе своей не понимают церковнославянский язык. Хотя думают, что понимают. Я считаю, что если люди не понимают язык, то здесь кроется большая опасность, — прихожане, особенно молодежь, со временем начнут отходить от церкви.

— *Это вопрос сохранения православия за границей?*

— Безусловно. В Америке была большая церковь, и надо было работу организовать. Кажется, что все это относительно просто. Но проблема перевода крайне непроста, речь идет о сложной терминологии, нередко ошибочной уже на уровне славянского перевода.

— *Каков был взгляд Шмемана на Россию? В том числе и на современную Россию? По материалам, находящимся в фонде Владимира Варшавского в Доме русского зарубежья, видно, что Шмеман в радиосикле «Основы русской культуры» намеревался сделать широкий обзор русской истории и культуры — от Древней Руси до XX века, в том числе затронуть и проблемы современности. Что он замечал в современной ему России? На что надеялся? В чем видел перспективы или, напротив — ошибки и язвы?*

— Прежде всего хочу сказать, что он видел Россию довольно объективно, чем отличался от многих эмигрантов, которые либо говорили о ней крайне негативно, либо идеализировали. Я думаю, в этом плане интересно обратиться к полемике Шмемана с Солженицыным по поводу старообрядцев. В этой полемике раскрывается его видение России. Не только старообрядчества, а вообще России, — что ему представлялось косным и что, наоборот, положительным. Он боялся старообрядчества в широком смысле этого слова, не только как направления в христианстве, но вообще как стиля мышления и мировидения — закоснения. Шмеман видел в этом опасность, ее мы видим и сейчас. Русскую церковь очень трудно сдвинуть с консерватизма. Если взглянуть на переписку отца Александра с Солженицыным, дискуссию вокруг старообрядцев, то в ней раскрывается абсолютно взгляд Шмемана на Россию. Он боялся глубинного застоя. Но при этом не был пессимистом, — нет, он видел, что в России много живого, много положительного, что она меняется. Он относился к России как к живому организму, который он явно любил. Тогда еще рано было говорить о падении советского режима, и отец Александр не хотел приезжать в Россию, чтобы не ставить себя в двусмысленное положение. Этим тоже во многом объясняется его позиция. Но его жена, Ульяна Сергеевна, бывала в России, когда их сын Сергей работал корреспондентом «Нью-Йорк таймс» в Москве, и, я знаю, ходила по церквям, очень интересовалась.

— *С семьей Шмеманов Вас связывают родственные отношения. Расскажите, пожалуйста, о Ваших семейных связях с отцом Александром и его матушкой.*

— Моя мать, Ольга Тихоновна Троянова, урожденная Шишкова. Из старинного дворянского рода, из этого же рода адмирал Александр Шишков, которого упоминает Пушкин в «Евгении Онегине». Семья жила в Ставрополе-на-Волге, теперь город называется Тольятти. У Шишковых там было свое имение. Мать отца Александра, Анна Тихоновна, — родная сестра моей мамы, вышла замуж за офицера Семеновского полка Дмитрия Шмемана. В конце войны семья Шмеманов оказалась в Эстонии, и моей матери вместе с родителями удалось переехать к сестре в Эстонию в 1924 году. Потом мама уехала в Белград, где встретила с моим отцом. В 18 лет он поступил к Врангелю, был на черноморском флоте, эвакуировался в Югославию. Они поженились, и в Белграде родились я и потом моя сестра. Так что я в какой-то степени продукт революции, мой отец из Киева, мальчиком жил в Одессе, и мои родители при других обстоятельствах никогда бы не встретились. В Белграде мой отец окончил богословский факультет, но священником не стал. Потом, когда мы, уходя от наступления советских войск, оказались в 1945 году в Швейцарии, ему предложили основать приход в Лозанне, и отец там был настоятелем больше 30 лет. С тетей, Анной Тихоновной, мы часто общались, она нередко навещала нас, приезжала в Швейцарию из Парижа. Там отец Александр сперва учился в Свято-Сергиевском православном богословском институте, потом преподавал историю церкви, жил под Парижем, служил помощником настоятеля отца Киприана (Керна) в приходе Свв. Константина и Елены. Но я тогда был еще молодым и мало с ним общался, по крайней мере на серьезные темы. Настоящее сближение произошло в Нью-Йорке. Отец Александр всегда притягивал меня своим жизнелюбием, глубоким умом. Он был остроумным человеком, мог быть иногда едким, но не злым. У него была, конечно, непростая жизнь. Вся проблематика американской церкви отразилась на его судьбе, многие в эмиграции его критиковали за переход на английский язык и новый стиль, за то, что Православная Церковь в Америке помирилась с Московским патриархатом и получила автокефалию. Все это критиковалось. И по правде говоря, эта полемика свела его в могилу. Так я думаю. Против него воздвигались серьезные и в то же время необоснованные обвинения.

— *Вы не думаете, что он будет когда-нибудь канонизирован как отец церкви?*

— Он, конечно, сыграл большую роль в истории Православной Церкви. Мне недавно один известный греческий богослов сказал: «Вы знаете, это был самый крупный православный богослов XX века». Для греческого богослова эти слова имеют особое значение. Посмотрим. Во всяком случае, отец Александр очень многое открыл для современного православного человека.